

пригласить Эдипа с его труппой в Иран. Надо было угодить повелителю. Гамид-Шах пригласил трех артистов в свою ложу и пробыл с ними в течение вечера.

Забегунок «Obzor» сообщает, что в Константинополе: Установлено, что Абдул-Гамид право требовал государственное пантеистов. Министерство финансов ежегодно выдавало ему 300,000 тур. фунтов. Различная таможенная учреждения должны были посылать ему деньги непосредственно, по его требованию. Конечно, при этом переплачивали и другим. И несмотря на эти огромные доходы, у сатана было много долгов. Так, он не платил жалованья даже своему личному врачу. Однажды, прибывший по поручению султана из Парижа для наблюдения за личной жизнью сатана, не получая жалованья

нация пылало жить. Даже учитель французского языка сына султана предвзято требовало в 1,600 тур. фунт. в год своего жалования. У мевлиев султан остался также в долгу за позарши с гаремными женщинами. Своему брату перешел султану, ровно 28 лет от роду, унаследованного имени его апахаки. Эти лица и многие другие теперь предостерегают иски против бывшего повелителя Оттоманской империи.

Вопрос о престолонаследии в Абиссинии. В последние дни здоровье 60-летнего негуса Менелика было опечалено подозраньем аттенции сырого врага, уязвлено прихлипающим электричеством, так что бедняга Менелик полагал серьезный удар от электрической машины. Распространившиеся слухи о близкой кончине негуса вызвали волнения в столице Адис-Абебе, которая, впрочем, с энергично подавлена главнокомандующим абиссинскими войсками Итторари Габте Гегисот. Менелик желал сделать своим наследником принца Джит-Лессу, но отказал этого официально и торжественно. Против Джит-Лессу высказывалось мнение супруга Менелика Теге-Танту.

собирались абиссинский корреспондент «Лоб-Анз», стоящая за своего племянника Гунда. Дитч-лессу — сын раст-хонза и побочной дочери Негуса Восточного. Этот раст-Михаил был ранее магометанином, королем Воле, пока захвата этого королевства Мелекомом, принял христианство. Поэтому царь Тавту, ревностный христианин, опасаясь, что сы похитит Дитч-лессу пригласил в столицу, пользоваться покровительством в Абиссинии, и потому выдвигать кандидатуру другого племянника сына также побочной дочери Мелекома, за первого стоял южные абиссинцы, то время как за второго — богатые северной Абиссинии, откуда происходил Тавту. Народный маски пока еще свое

ш. Странной Менделю возможно трое решение этого вопроса: или на него не стоит вступать Личи-Бессе, и тогда Личи-Бессе обойдется без всяких оговорок, или начнется борьба между обоими претендентами, которая будет сопровождаться кровавыми столкновениями во всей стране, борьба, победителем из которой выйдет сильнейший, или, наконец, империя Мендеса распадется на несколько отдаленных королевств и княжеств, так как не все же земляки «герцогов» — сдаться непременно самостоятельными, и они могут считать себя лучше всего во прези Игима, тогда эти «герцус-герцети», этого последнего случая англичане италяние воспользуются благоприятный момент поженится на сестры псалти Мендеса, и возникнет новый между родный вопрос.

II.

— Вить, вить, настойчиво повторил, дружески опуская руку на локоты Никиты. Господи какая туча! Ни у одного из нас не выдался я разок! Расслаивай, полюбуйся ради Бога, все, все, что толпа приносили!..

— Чу, так! дальше буди говорить!.. а ты проходишь, а сь дѣлать! Описно! и зими тоже при немъ буди! Наставляла мать рѣдко, относилъ ей весь свой заботки, потому что дѣть прилично отъ пашъ былъ не только калашеве, но и пашъ что мы вырѣзали за наши пѣсеньки, это и грибы!.. Мать несли спрашивала, не ханъ я уже при ней, значить, въ сѣдѣ отъ насъ, только я отпросился, а отпросилъ потому, что невозможно мнѣ было въ срединѣ шпофатъ людей въ сѣдѣ и совсѣтъ отмытъ я отъ хаты. Духъ въ хатѣ сѣдѣ

не тот, сох, сомненья не берет, все
то что за груди давить, а по тглы то
щекочет, как мурашки. А потому тглы
на много значат. Люди въ сѣзъ прича-
щеньи лаян-то поютъ, ругаются, ска-
буютъ, между собой драки заводятъ, дѣ-
тены жутко, сердце колотится... А въ а-
уамы знаете, лаянъ съхъ пріюно на уе
верескѣ, только дерево тахонко поды-
маетъ шестиста, и вотъ пачка эта поч-
ка... (заключаетъ) точитъ, самоно ругаетъ
четь... Такъ, вернувшись изъ своего се-
я и говорю тглы Осиуску:
— Неады мы пачка межъ людей житъ

Дядя не помнил и отъезжает:
—Что-ж, съезди судьба это, так и
дети! Вот я уже много лѣтъ хаты
знаю... И стади мы съ дѣдомъ думать
нашей жизни.
—Хорошо, было бы, думали мы, т
устроились, какъ въ пустыни, кото
душу свою спасали. Есть еще кругомъ
нія мѣста, гдѣ никогда пока человѣче
не ступалъ. Тамъ въ великихъ гор
спасаютъ люди, и дичье звѣри ихъ не т
гаютъ...
—Прежде чѣмъ пустыню найти и сп
блится такой жизни, сказалъ дѣдъ, пу
бить въ святыхъ мѣстахъ... Иерусали
значить и гора пустынная Афонъ...
Идемъ сплалъ туда, съездитъ Богъ дозво
а матла тебя благословитъ...
Тамъ раздумывали мы съ дѣдомъ О
симонъ, а на третью весну совершилъ
грѣхъ.
(Прод. слѣд.)

